

"Цинъюй..." Подойдя к кровати, Ян Чжао заставил себя улыбнуться и сказал: "Ты голоден? Я принесу еще немного еды".

"Чжао", Линь Цинъюй повернул голову, посмотрел на красные глаза, поднял голову, подцепил его голову, легонько поцеловал и сказал: "Я не виню тебя, дай мне немного времени, просто дай мне немного времени".

"Цинъюй, я бы предпочел, чтобы ты проветрился", - Ян Чжао слегка поднял голову и сказал: "Я бы предпочел, чтобы ты обвинил меня, отругал и сказал, почему ты потерял Янь Сана, ведь я вернулся в Да Чжоу. Лучше бы ты меня бил и наказывал, чем... Я не хочу быть твоими оковами и бременем, причиной твоей собственной выносливости, если мое существование действительно станет твоими оковами, то Чжао лучше исчезнуть сейчас, по крайней мере, ты можешь громко плакать, грустить от души и делать все, что захочешь."

Линь Цинъюй опешил, увидев, как Ян Чжао медленно освобождается от своего халата, и сказал: "Цинъюй, не вини себя больше. Во всем можно винить себя. Ты не можешь отказаться от Да Чжоу из-за Чжао, и ты не можешь раскрыть себя из-за Чжао. Отношения с Янь Санем, из-за Чжао ты не хочешь делать то, что не хотела делать". Видя, как слезы медленно скатываются из уголков глаз Линь Цинъюй, Ян Чжао опустил голову, поцеловал капли слез и сказал низким голосом. "Так накажи Чжао, Чжао такой ненавистный, ты должен строго наказать Чжао". Он схватил Линь Цинъюя за руку, подхватил младшего брата под руку и сильной хваткой сотряс все его тело. Но все же улыбнулся и сказал: "Выпусти весь свой гнев".

Дверь в комнату была плотно закрыта, изнутри доносился слабый звук. Янь Ци немного прислушалась и помахала рукой, чтобы никто не мешал, а сама села в углу, подальше от главного дома.

Утреннее солнце ворвалось через окно и осветило комнату.

Линь Цинъюй поднял голову и прикрыл глаза, затем моргнул и открыл глаза, услышав неглубокое дыхание у своего уха, повернув голову, он увидел длинные ресницы Ян Чжао.

Линь Цинъюй открыл глаза и некоторое время смотрел на прикрытые ресницами глаза, затем медленно перевел взгляд вниз. Когда он увидел фиолетово-черную метку на шее, его сердце подпрыгнуло. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что его руки скручены. Когда он стоял к нему спиной, в голове медленно всплыло воспоминание о вчерашнем дне, и я использовала свои руки, чтобы поддержать его тело, и тонкий покров соскользнул с них, обнажив его тело. Руки Ян Чжао все еще были крепко связаны за спиной из-за того, что его долго ловили. Он был *** в багровых пятнах крови, а по всему его телу виднелись различные следы.

Линь Цинъюй нежно провел пальцами по шрамам, вспоминая, как он раздражал его вчера, и позволил ему выпустить свой гнев, как строптивой, накопившиеся обиды и жалобы, которые он не осмеливался высказать в лицо, те, чтобы показать себя Истинные мысли, придавленные его добротой и состраданием, на самом деле, я тоже жалею. Зачем так позориться перед другими? Разве не хорошо быть только снаружи? Опираясь на собственные знания и силу Янь Саня, где уж тут не быть хозяином? С таким заботливым любовником, как Янь Сань, зачем затевать эти нехорошие дела в Да Чжоу? Никаких жалоб? Нет жалоб? Как это нет, просто эти маленькие демоны были подавлены мной самим, какое лицемерие!

Но он знает все это, он знает все неконтролируемые мысли в своем сердце, и знает, что то, через что он не может пройти, на самом деле является его собственным уровнем. Если я сделаю трудный выбор, как я могу потерять Янь Саня, поэтому он использует этот метод.

Выбирай все.

Пальцы пробежали по следам удушения между его шеей, когда она была спровоцирована гневом в своем сердце, и когда она следовала его словам и кричала из-за тебя, когда она действительно изо всех сил пыталась задушить ремнем, его глаза были на самом деле ясны. Не должно быть никаких жалоб, просто так тихо и без всякой борьбы, пусть она затянет ремень потуже.

Если Чжао исчезнет, чтобы сделать тебя счастливой, то пусть Чжао исчезнет...

Как я могла забыть, что именно любовь этого человека дала мне первоначальное утверждение в этом мире, что сердце нигде, одинокое сердце, сердце, которое было ранено и брошено, печальное и опустошенное, это был этот человек. Немного успокоившись, он может медленно открыть свое сердце и начать принимать мир, и он никогда не был далеко. Он был здесь, молча используя все, что у него есть, чтобы защитить себя. Зачем такому человеку туда идти? Сомневайтесь в любви к нему.

Теперь, когда ты выбрал путь, не жалея и не сомневаясь, раз ты влюблен, не жалея и не сомневаясь".

Линь Цинъюй протянула руку, чтобы развязать веревку Ян Чжао, ее рука пересекла тело Ян Чжао, глаза Ян Чжао моргнули и медленно открылись, он спокойно смотрел на Линь Цинъюй.

Развязав веревку, Линь Цинъюй сел прямо, а затем увидел глаза Ян Чжао, в которых, казалось, была прозрачная голубая вода. В них была только одна эмоция, и это даже для таких людей, как Линь Цинъюй, которые никогда не понимали подмигивания. Видно было, что глубокая любовь, как будто нет больше самого себя... любовь.

"Что делать с этим следом?" Линь Цинъюй коснулся своей шеи и нахмурился.

В ее глазах не было борьбы и ненависти к себе, с озорной улыбкой, ясной и трогательной, Ян Чжао медленно улыбнулась, подняла жесткую руку, погладила по щеке и сказала "Я люблю тебя...".

"Да, да, я тоже тебя люблю, но как насчет этого?" Линь Цинъюй коснулся фиолетово-черного следа и спросил. Такой глубокий след, если бы ты тогда не проснулась, боюсь, ты бы действительно задушила его до смерти, да? Вот это мозги!

"Никто не осмелился ничего сказать, это не имеет значения". Ян Чжао улыбнулся.

Шея Ян Чжао стройная, без доспехов, просто в летнем платье. На белой шее очень заметен фиолетово-черный круг следов. Он обнял Линь Цинъюй за ужином, как нормальный человек, объяснил, что Гаолюгчэн Ли Яньму Гуйюнь Инь Тинъань и остальные остались позади, приняли меры предосторожности и не допустили ошибки.

Линь Цинъюй уже не был таким наглым. Увидев всевозможные вопросы и шокированные взгляды, он тут же посмотрел на муравьев на земле или белые облака в небе, и вздохнул, что погода сегодня хорошая.

Не в силах скрыться от этих все более горячих взглядов, Линь Цинъюй попросил Су Му достать ручку и бумагу. Что ж, все тени были ранены и умерли. Теперь Су Му делает все, чтобы занять

место личного слуги, и даже Ян Чжао и Янь Ци не могут попасть под руку.

Ты видишь или не видишь меня

Я не грущу и не радуюсь там

Читаешь ты меня или нет

Любовь там

Любишь ты меня или нет

Любовь есть.

Ты следуешь за мной или нет

Моя рука в твоей руке

Приди в мои объятия

Или позволь мне жить в твоём сердце

Любите друг друга молча

После написания Линь Цинъюй сказал Сум: "Давай, Сум, я научу тебя петь эту песню".

Алан взял бумагу и аккуратно прочитал ее, затем посмотрел на нее со странным выражением в глазах и сказал: "Это ты написала?".

"Откуда у меня такой талант? Возможно ли это?" Линь Цинъюй посмотрел на нее и сказал: "Написано мастером Тубо". Посмотрев на небо, все закончилось. В это время Каньянг Гьяцо еще не родился.

"Я думаю, ты не сможешь это написать". Алан опустил голову и прочитал несколько раз, пораженный, и сказал: "Хорошее стихотворение".

Лин Цинъюй сначала спел Су Му, потом послушал, как Су Му напевает, и указал на неправильный звук, а затем сказал Алану: "Конечно, это хорошее стихотворение. Сколько поколений было затронуто".

После того как Су Му пропел его несколько раз, он открыл рот и запел.

Ему шестнадцать лет.

После периода изменения голоса его голос становится чистым и тяжелым. Эта песня повторяется три раза, и во дворе вдруг становится тихо. Только его мягкий голос поет, тихо любя друг друга, тихо любя.

Ян Чжао посмотрел на ошарашенного Линь Цинъюя, и в уголках его рта появилась улыбка слабой радости. Хотя физическая боль все еще была, а горло хрипело и болело, он чувствовал радость и счастье изнутри. Да, ты любишь или не любишь меня, любовь есть, она не увеличивается и не уменьшается, ты следуешь или не следуешь за мной, моя рука в твоей руке, не сдавайся, приди в мои объятия, или позволь мне жить в твоём сердце и любить друг друга молча, Тишине это нравится.

"Ты нечестный!" Алан шлепнул Лин Цинъю по голове, посмотрел на различные выражения лиц мужчин во дворе и сказал: "Тебя надо учить и учить быть счастливым!"

"Поторопиться?" Линь Цинъюй нахмурился и сказал: "Дай мне подумать, я не могу вспомнить слишком сложные тексты". Будет ли петь Цзяннань этот брат-птица?

Сидя на крыше двух дворов, Е Шии внимательно слушал пение со двора, приглушая в своем сердце партитуру, и несколько раз приглушал слова.

"Я сказал", - спросил Алан Фуэр рядом с Линь Цинъюем: "Откуда взялся этот материал?"

Линь Цинъюй посмотрела в направлении своего мизинца, похлопала себя по голове и сказала: "А! Я снова вспомнил первое, давай, Сум, дай мне бумагу".

После того, как Линь Цинъюй собрался с мыслями, он написал только три песни, все из которых были песнями о любви. Как только она научила Сум петь, Алан стукнул ее по голове, но когда она стукнула еще раз, то то, что было выбито, тоже было песней о любви.

Они играли и создавали проблемы, а Ян Чжао периодически о чем-то говорил. Позже они ничего не смогли сделать. Они перешли во двор, чтобы объяснить суть дела.

"Генерал, как вы это сделали?" Ли Янь не мог не спросить.

Ян Чжао коснулся его шеи и торжественно произнес: "Некоторые будуары только интересны".

Глаза упали на землю.

Оказывается, хозяин так хорош!

Мэн Су бессознательно ощупал свою шею.

"Цинъюй..." Подойдя к кровати, Ян Чжао заставил себя улыбнуться и сказал: "Ты голоден? Я принесу еще немного еды".

"Чжао", Линь Цинъюй повернул голову, посмотрел на красные глаза, поднял голову, подцепил его голову, легонько поцеловал и сказал: "Я не виню тебя, дай мне немного времени, просто дай мне немного времени".

"Цинъюй, я бы предпочел, чтобы ты проветрился", - Ян Чжао слегка поднял голову и сказал: "Я бы предпочел, чтобы ты обвинил меня, отругал и сказал, почему ты потерял Янь Сана, ведь я вернулся в Да Чжоу. Лучше бы ты меня бил и наказывал, чем... Я не хочу быть твоими оковами и бременем, причиной твоей собственной выносливости, если мое существование действительно станет твоими оковами, то Чжао лучше исчезнуть сейчас, по крайней мере, ты можешь громко плакать, грустить от души и делать все, что захочешь."

Лин Цинъюй опешил, увидев, как Ян Чжао медленно освобождается от халата, и сказал: "Цинъюй, не вини себя больше. Во всем можно винить себя. Ты не можешь отказаться от Да Чжоу из-за Чжао, и ты не можешь раскрыть себя из-за Чжао. Отношения с Янь Санем, из-за Чжао ты не хочешь делать то, что не хотела делать". Видя, как слезы медленно скатываются из уголков глаз Лин Цинъюй, Ян Чжао опустил голову, поцеловал капли слез и сказал низким голосом. "Так накажи Чжао, Чжао такой ненавистный, ты должен строго наказывать Чжао". Он схватил Линь Цинъюя за руку, подхватил младшего брата под руку и сильной хваткой сотряс

все его тело. Но все же улыбнулся и сказал: "Выпусти весь свой гнев".

Дверь в комнату была плотно закрыта, изнутри доносился слабый звук. Янь Ци немного прислушалась и помахала рукой, чтобы никто не мешал, а сама села в углу, подальше от главного дома.

Утреннее солнце ворвалось через окно и осветило комнату.

Линь Цинъюй поднял голову и прикрыл глаза, затем моргнул и открыл глаза, услышав неглубокое дыхание у своего уха, повернув голову, он увидел длинные ресницы Ян Чжао.

Линь Цинъюй открыл глаза и некоторое время смотрел на прикрытые ресницами глаза, затем медленно перевел взгляд вниз. Когда он увидел фиолетово-черную метку на шее, его сердце подпрыгнуло. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что его руки скручены. Когда он стоял спиной к нему, в голове медленно всплыло воспоминание о вчерашнем дне, и я использовал свои руки, чтобы поддержать его тело, и тонкий покров соскользнул с них, обнажив его тело. Руки Ян Чжао все еще были крепко связаны за спиной из-за того, что его долго ловили. Он был **** в багровых пятнах крови, а по всему его телу виднелись различные следы.

Линь Цинъюй нежно провел пальцами по шрамам, вспоминая, как он раздражал его вчера, и позволил ему выпустить свой гнев, как строптивой, накопившиеся обиды и жалобы, которые он не осмеливался высказать в лицо, те, чтобы показать себя Истинные мысли, придавленные его добротой и состраданием, на самом деле, я тоже жалуюсь. Зачем так позориться перед другими? Разве не хорошо быть только снаружи? Опираясь на собственные знания и силу Янь Саня, где уж тут не быть хозяином? С таким заботливым любовником, как Янь Сань, зачем затевать эти нехорошие дела в Да Чжоу? Никаких жалоб? Нет жалоб? Как это нет, просто эти маленькие демоны были подавлены мной самим, какое лицемерие!

Но он знает все это, он знает все неконтролируемые мысли в своем сердце, и знает, что то, через что он не может пройти, на самом деле является его собственным уровнем. Если я буду упорно выбирать, как я могу потерять Янь Саня, поэтому он использует этот метод, чтобы прийти. Выбирай все.

Пальцы пробежались по следу удушения между его шеей, когда она была спровоцирована гневом в своем сердце, и когда она следовала его словам и кричала из-за тебя, когда она действительно изо всех сил пыталась задушить ремнем, его глаза были на самом деле ясны Не должно быть никаких жалоб, просто так тихо и без всякой борьбы, пусть она затянет ремень потуже.

Если Чжао исчезнет, чтобы сделать тебя счастливой, то пусть Чжао исчезнет...

Как я могла забыть, что именно любовь этого человека дала мне первоначальное утверждение в этом мире, что сердце нигде, одинокое сердце, сердце, которое было ранено и брошено, печальное и опустошенное, это был этот человек. Немного успокоившись, он может медленно открыть свое сердце и начать принимать мир, и он никогда не был далеко. Он был здесь, молча используя все, что у него есть, чтобы защитить себя. Зачем такому человеку туда идти? Сомневайтесь в любви к нему.

Теперь, когда ты выбрал путь, не жалея и не сомневаясь, раз ты влюблен, не жалея и не сомневаясь".

Линь Цинъюй протянула руку, чтобы развязать веревку Ян Чжао, ее рука пересекла тело Ян Чжао, глаза Ян Чжао моргнули и медленно открылись, он спокойно смотрел на Линь Цинъюй.

Отвязав веревку, Линь Цинъюй сел прямо, а затем увидел глаза Ян Чжао, в которых, казалось, была прозрачная голубая вода. В них была только одна эмоция, и это даже для таких людей, как Линь Цинъюй, которые никогда не понимали подмигивания. Видно было, что глубокая любовь, как будто нет больше самого себя... любовь.

"Что делать с этим следом?" Линь Цинъюй коснулся своей шеи и нахмурился.

В ее глазах не было борьбы и ненависти к себе, с озорной улыбкой, ясной и трогательной, Ян Чжао медленно улыбнулась, подняла жесткую руку, погладила по щеке и сказала "Я люблю тебя..."

"Да, да, я тоже тебя люблю, но как насчет этого?" Линь Цинъюй коснулся фиолетово-черного следа и спросил. Такой глубокий след, если бы ты тогда не проснулась, боюсь, ты бы действительно задушила его до смерти, да? Вот это мозги!

"Никто не осмелился ничего сказать, это не имеет значения". Ян Чжао улыбнулся.

Шея Ян Чжао стройная, без доспехов, просто в летнем платье. На белой шее очень заметен фиолетово-черный круг следов. Он обнял Линь Цинъюй за ужином, как нормальный человек, объяснил, что Гаолюгучэн Ли Яньму Гуйюнь Инь Тинъань и остальные остались позади, приняли меры предосторожности и не допустили ошибки.

Линь Цинъюй уже не был таким наглым. Увидев всевозможные вопросы и шокированные взгляды, он тут же посмотрел на муравьев на земле или белые облака в небе и вздохнул, что погода сегодня хорошая.

Не в силах скрыться от этих все более горячих взглядов, Линь Цинъюй попросил Су Му достать ручку и бумагу. Что ж, все тени были ранены и умерли. Теперь Су Му делает все, чтобы занять место личного слуги, и даже Ян Чжао и Янь Ци не могут попасть под руку.

Ты видишь или не видишь меня

Я не грущу и не радуюсь там

Читаешь ты меня или нет

Любовь там

Любишь ты меня или нет

Любовь есть.

Ты следуешь за мной или нет

Моя рука в твоей руке

Приди в мои объятия

Или позволь мне жить в твоём сердце

Любите друг друга молча

После написания Линь Цинъюй сказал Сум: "Давай, Сум, я научу тебя петь эту песню".

Алан взял бумагу и аккуратно прочитал ее, затем посмотрел на нее со странным выражением в глазах и сказал: "Это ты написала?".

"Откуда у меня такой талант? Возможно ли это?" Линь Цинъюй посмотрел на нее и сказал: "Написано мастером Тубо". Посмотрев на небо, все закончилось. В это время Каньянг Гьяцо еще не родился.

"Я думаю, ты не сможешь это написать". Алан опустил голову и прочитал несколько раз, пораженный, и сказал: "Хорошее стихотворение".

Лин Цинъюй сначала спел Су Му, потом послушал, как Су Му поет, и указал на неправильный звук, а затем сказал Алану: "Конечно, это хорошее стихотворение. Сколько поколений было затронуто".

После того как Су Му пропел его несколько раз, он открыл рот и запел.

Ему шестнадцать лет.

После периода изменения голоса его голос становится чистым и тяжелым. Эта песня повторяется три раза, и во дворе вдруг становится тихо. Только его мягкий голос поет, тихо любя друг друга, тихо любя.

Ян Чжао посмотрел на ошарашенного Линь Цинъюя, и в уголках его рта появилась улыбка слабой радости. Хотя физическая боль все еще была, а горло хрипело и болело, он чувствовал радость и счастье изнутри. Да, ты любишь или не любишь меня, любовь есть, она не увеличивается и не уменьшается, ты следуешь или не следуешь за мной, моя рука в твоей руке, не сдавайся, приди в мои объятия, или позволь мне жить в твоём сердце и любить друг друга молча, Тишине это нравится.

"Ты нечестный!" Алан шлепнул Лин Цинъю по голове, посмотрел на различные выражения лиц мужчин во дворе и сказал: "Тебя надо учить и учить быть счастливым!"

"Поторопиться?" Линь Цинъюй нахмурился и сказал: "Дай мне подумать, я не могу вспомнить слишком сложные тексты". Будет ли петь Цзяннань этот брат-птица?

Сидя на крыше двух дворов, Е Шии внимательно слушал пение со двора, приглушая партитуру в своём сердце, и несколько раз приглушал слова.

"Я сказал", - спросил Алан Фуэр рядом с Линь Цинъюем: "Откуда взялся этот материал?"

Линь Цинъюй посмотрела в направлении своего мизинца, похлопала себя по голове и сказала: "А! Я снова вспомнил первое, давай, Сум, дай мне бумагу".

Прикинув в уме, Линь Цинъюй написал только три песни, и все они были песнями о любви. Как только она научила Сум петь, Алан стукнул ее по голове, но когда она стукнула еще раз, то то, что было выбито, тоже было песней о любви.

Они играли и создавали проблемы, а Ян Чжао периодически о чем-то говорил. Позже они ничего не смогли сделать. Они перешли во двор, чтобы объяснить суть дела.

"Генерал, как вы это сделали?" Ли Янь не мог не спросить.

Ян Чжао коснулся его шеи и торжественно произнес: "Некоторые будуары только интересны".

Глаза упали на землю.

Оказывается, хозяин так хорош!

Мэн Су неосознанно пощупал свою шею.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2530704>